

Екатерина Васильева покинула сцену

Известия - 1995 - 29 января

Любовь ЛЕБЕДИНА, критик

С 2

Известная миллионам зрителей актриса театра и кино Екатерина Васильева навсегда покинула театр и полностью посвятила себя служению Богу. Этот выбор она сделала сама и ни о чем не жалеет. Жить добродетелью для нее оказалось значительно интереснее, чем существовать в мире иллюзий и выдуманных страстей. Да, трудно представить, чтобы человек, сформировавшийся при свете прожекторов и громких аплодисментах, смог добровольно отказаться от сладкого запаха кулис и дурмана славы, сменив все это на ежедневные утренние и вечерние молитвы.

Что же случилось? Ведь маститые режиссеры за счастье считали работать с Васильевой, а партнеры любовно носили ее шлейф. Л.Додин не мыслит «Господ Головлевых» без нее, Т.Чхеидзе связывал главную героиню «Обвала» только с эксцентричной Васильевой, а О.Ефремов уже после разделения МХАТа неоднократно приглашал играть в спектаклях «Игры женщин» и «Любовь, как тихий вечер», надеясь хоть как-то исправить положение общедоступного театра.

И.Смокуновский, О.Борисов, А.Калягин, С.Любшин ценили Катину трепетность, мгновенную реакцию, умение выпрыгивать на ходу в любой режиссерский рисунок — фактически все то, что дается человеку, с рождения обреченному на лицедейство.

Так, всемирно известный немецкий режиссер П.Штайн, готовясь к грандиозной постановке «Орестей» в Театре Армии в Москве, среди множества отсмотренных актрис на роль Клитемнестры выбрал Е.Васильеву, чутьем угадав в ней человека сильного и неординарного — под стать героям Эплады, не предполагая в дальнейшем, что этот же характер станет причиной их разрыва, когда во время проката «Орестей» в Европе, на гастролях в Греции он же разразится монологом по поводу неблагодарных «русских свиней».

Многие в кочующей труппе считали, что кто-то должен был положить предел унижениям артистов, «вкалывающих» за малые деньги. Этим «кто-то» оказалась Васильева, не пожелавшая числиться в списках людей второго сорта.

По нормальной логике, после ухода от мирового уровня режиссера Екатерина Васильева должна была доказать свою состоятельность у других известных режиссеров. Тот же К.Гинкас до последнего времени не терял надежды, что Васильева согласится участвовать в его новом эксперименте. Но она этого не сделала ни сразу, ни потом. Еще во вре-

мя репетиций «Орестей» Васильева окончательно решила, что это ее последняя работа в театре.

Конечно, с одной стороны, уйти со сцены в ореоле славы с призом «Хрустальной Турандот» — красиво и эффектно, почти по-голливудски... С другой, — звезды Голливуда, исчезающие с небосклона, могут и дальше существовать безбедно... У Васильевой же ничего не было. Да в принципе она этим и не занималась. К тому времени ее больше не интересовала собственность и престижность занимаемого положения. Васильева достигла такого уровня внутренней свободы, что завтрашний день ее уже не страшил. Она знала: для того чтобы находиться в гармонии с собой и миром, необходимо слушать внутренний голос и верить в промысел Божий. Ведь, по сути, человек может обходиться минимумом, если у него есть великая идея.

Чем дольше она работала в театре, тем меньше ощущала на себе его магию, не понимая, почему образованный духовный вакуум заполняется «чернухой», пошлостью, от которых жрецы искусства получают удовольствие. Будучи человеком предельно искренним и цельным, она не могла смириться с теми, кто использовал ее талант для проведения своих низкопробных идей. Идущие к ней потоком кино-сценарии, где за большие деньги предлагалось играть наркоманок и проституток, ничего, кроме отвращения, не вызывали. Она отказывалась, таким образом выражая протест «художникам», делающим карьеру на разрушении человеческой личности.

С каждым днем пропасть увеличивалась, все, что творилось в драматургии, театре, казалось ей недостойным человека, сотворенного по образу Божию.

В церкви она не чувствует себя столь одинокой, как на публичном подиуме. До сих пор Васильева не может забыть тот день, когда в Москве горел Бе-

лый дом, а актеры на репетиции как ни в чем не бывало шутили и смеялись...

Надо сказать, что тему униженных и оскорбленных она влетала в канву каждой роли. Да и сама судьба подбрасывала ей героинь отнюдь не жизнерадостных. К примеру, Сару из чеховского «Иванова», которую она играла с дипломного спектакля ВГИКа и до конца актерской карьеры. В то же время жизнестойкость своих героев она брала из личного жизненного опыта, где было много всего: заботы о больной матери, единственном сыне, воспитанном ею одной...

Говорят, настоящий артист обладает даром предвидения. Так, в «Орестее» она видела трагические события в России. И если П.Штайн настаивал, что Клитемнестра борется за власть, а Ифигения — всего лишь уловка, козырь в политической колоде карт, то для Васильевой Ифигения была Россией. И когда она кричала в зал: «Ифигения!», — то мурашки пробегали по коже, наверное, не только у рядового зрителя, но и у присутствовавших на премьере Бурбуйко и Шумейко. В свою очередь двенадцать «разгневанных» мужчин Театра Армии, составляющих так называемый хор, совершенно не понимали, про что играют. Монологи царицы требовали незамедлительных действий, а они и пальцем не могли пошевелить.

Обычно о таких людях говорят, что они не от мира сего. Но Васильева-то как раз от этого мира. Познав все его соблазны, она теперь точно знает, что ему противопоставить, чтобы окончательно не погубить свою душу.

Каждый день, утром и вечером, она идет на службу в церковь, не реагируя на человеческую молву, что Васильева вообще хотела бы уйти в монастырь. Жизнь покажет.

Ее личный выбор достоин уважения. Ну, а сожаление... Это удел зрителей, нас с вами: не просто смириться с тем, что мы не увидим больше великую актрису на сцене, а только у аптара.